

Ресурсы и социальные функции новых религиозных движений в России

М. Ю. Смирнов

*Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация;
Русская христианская гуманитарная академия имени Ф. М. Достоевского,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

Введение. Цель статьи – обозначить и обосновать представление о преходящем характере новых религиозных движений (НРД), которые массово возникли и глобально распространились в большинстве развитых обществ на рубеже XX и XXI веков как следствие развивающейся секуляризации и конфликтной реакции на этот процесс. Освещение этого феномена предполагает раскрытие таких аспектов, как типологическая идентификация, социальные функции и ресурсные основы НРД.

Содержание. В статье рассматривается понятие «религиозное движение» применительно к современным формам религиозности. Проводится различие религиозного культа как нормативной системы обрядов и как одного из способов организации религиозной жизни. Автор даёт характеристику феномену культовых движений, выявляет специфику аудиторных и клиентурных культов, а также «альтернативных», «спасающих», «реформистских» и «трансформистских» малых религиозных сообществ. При различии масштабов присутствия в обществе исторически сложившихся религий и НРД обнаруживается идентичность их социальных функций – интегрирующей, дезинтегрирующей, коммуникационной, мировоззренческой.

Анализ ресурсов пополнения НРД показал их непосредственную зависимость от общего состояния социума. В условиях социальной нестабильности и депривации значительной части населения НРД оказываются востребованными как один из способов компенсации жизненных и мировоззренческих трудностей. Автор выделяет внешние (прямые и косвенные) и внутренние (структурные и вероучительные) факторы, влияющие на формирование ресурсов НРД.

Выводы. В обозримом будущем следует ожидать постепенной диффузии НРД, их трансформаций, не исключено, что и преобразования в нечто пока ещё трудно предсказуемое. НРД стали функциональными аналогами исторически сложившихся религий, вызвали необходимую реструктуризацию религиозной жизни, исчерпали на этом свои возможности, но открыли перспективу возникновения новых, синкретических форм общественного сознания.

Ключевые слова: новые религиозные движения, культовые движения, социальные функции религий, ресурсы новых религиозных движений

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00272, <https://rscf.ru/project/24-28-00272/>; Русская христианская гуманитарная академия имени Ф. М. Достоевского.

Для цитирования: Смирнов М. Ю. Ресурсы и социальные функции новых религиозных движений в России // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2024. – № 3. – С. 210–226. DOI: 10.35231/18186653_2024_3_210. EDN: FTNWMK

Resources and Social Functions of New Religious Movements in Russia

Mikhail Yu. Smirnov

*Pushkin Leningrad State University,
Sankt-Peterburg, Russian Federation;
Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevskij,
Sankt-Peterburg, Russian Federation*

Introduction. The purpose of the article is to identify and substantiate the idea of the transitory nature of new religious movements (NRMs), which arose en masse and spread globally in most developed societies at the turn of the 20th and 21st centuries as a result of developing secularization and conflict reaction to this process. The coverage of this phenomenon involves the disclosure of such aspects as typological identification, social functions and resource bases of NRMs.

Content. The article examines the "religious movement" concept in relation to modern forms of religiosity. A distinction is made between religious worship as a normative system of rituals and as one of the ways of organizing religious life. The author characterizes the phenomenon of cult movements, identifies the specifics of auditorium and clientele cults, as well as "alternative", "saving", "reformist" and "trans-formist" small religious communities. With the difference in the scale of the presence of historically established religions and NRMs in society, the identity of their social functions – integrating, disintegrating, communicative, and ideological – is revealed.

The analysis of NRMs replenishment resources showed their direct dependence on the general state of society. In conditions of social instability and deprivation of a significant part of the population, NRMs are in demand as one of the ways to compensate for life and ideological difficulties. The author identifies external (direct and indirect) and internal (structural and doctrinal) factors influencing the formation of NRMs resources.

Conclusion. In the foreseeable future, we should expect a gradual diffusion of NRMs, their transformations, and it is possible that transformations into something still difficult to predict. NRMs have become functional analogues of historically established religions, caused the necessary restructuring of religious life, exhausted their possibilities, but opened the prospect of the emergence of new public consciousness syncretic forms.

Key words: new religious movements, cult movements, social functions of religion, resources of new religious movements.

Acknowledgments: The research was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 24-28-00272, <https://rscf.ru/project/24-28-00272/>; Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevskij.

For citation: Smirnov, M. Yu. (2024) Resursy i sotsial'nye funktsii novykh religioznykh dvizhenij v Rossii [Resources and social functions of new religious movements in Russia]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*. No. 3. Pp. 210–226. (In Russian). DOI: 10.35231/18186653_2024_3_210. EDN: FTNWMK

Введение

В существующей литературе о новых религиозных движениях (НРД) отсутствует единство понимания природы и функций религиозных новообразований [9]. Значительный массив публикаций по этой тематике, в том числе и научных, содержит полемический подход либо с гиперкритикой, либо с апологией в адрес НРД и современных культовых движений. Очевидно, это – неизбежное следствие идеологической заряженности любых дискурсов о религиозном факторе в его синхронном измерении [2; 4; 8]. Даже в академической среде исследователей религии реакция на проблематику НРД остаётся своего рода идентификатором не только научных, но и политико-идеологических позиций.

В ряде предыдущих недавних публикаций автор уже высказал свою характеристику НРД, однако более полное освещение этого феномена предполагает раскрытие дополнительных аспектов, в частности, касающихся типологической идентификации, социальных функций и ресурсной основы НРД. Цель статьи – обозначить и обосновать представление о преходящем явлении НРД, которые массово возникли и глобально распространились в большинстве развитых обществ на рубеже XX и XXI веков как следствие развивающейся секуляризации и конфликтной реакции на этот процесс, стали функциональными аналогами исторически сложившихся религий, вызвали необходимую реструктуризацию религиозной жизни, исчерпали на этом свои возможности, но открыли перспективу возникновения новых, синкретических форм общественного сознания.

Содержание исследования

При научной аналитике **новых религиозных движений** известную сложность вызывает толкование слова «движение» применительно к религиозному контексту [3]. Привычный набор обыденных ассоциаций связывает «движение» с некой динамикой, навряде перемещения в пространстве. Теоретизируя это представление, можно вывести и философский смысл «движения» как способа существования каких-либо объектов или явлений в их постоянных взаимодействиях и изменениях вообще.

В то же время, социальная лексика уже давно оперирует этим словом применительно к некоторым организационным формам активности различных слоёв общества, – говорится о политических, общественных, молодёжных, профсоюзных и прочих движениях, как объединениях людей по совместным интересам, целям и действиям. Аналогичное употребление встречается и в религиозной сфере, когда речь идёт о «движениях последователей» какого-либо вероучения, об отдельных направлениях внутри определённой конфессиональной традиции (например, перфекционистское Движение святости в протестантизме, неопротестантское Движение веры) или же о внеконфессиональных религиозных сообществах.

Религиозное движение, исходя из сказанного, можно рассматривать как способ существования больших или малых групп верующих, объединённых общими духовными целями и ценностными ориентирами, единым кругом религиозных представлений, совместным религиозным культом, авторитетом своих лидеров. Понятие религиозного движения обычно используется: (1) для характеристики состояния коллективного сознания и поведения последователей того или иного религиозного учения [1] и (2) в типологии религиозных объединений [10].

В широком смысле религиозным движением является любая самостоятельная совокупность верующих, отличающаяся от других своим вероисповеданием и религиозными действиями. Религиозному движению присуще сочетание изменчивости и устойчивости в его мировоззренческих, ритуально-культовых и организационных составляющих.

Началом религиозного движения служит, как правило, спонтанное стремление к консолидации людей, имеющих совпадающие религиозные воззрения, потребности и настроения. На этой стадии движение ещё диффузно, в нём отсутствует структурированное организационное устройство. Характерными чертами религиозного движения выступают внутренняя сетевая конфигурация и коллективная идентичность, формирующиеся на основе общеразделяемых реакций на внешние условия существования его членов. Направленность движения, его идейное содержание и основные религиозные практики обычно определяются духовными лидерами, которые воспри-

нимаются последователями их учения как персонифицированное свидетельство сакрального предмета религиозной веры.

Причины возникновения религиозных движений уместно связывать с кризисом прежней религиозной идентичности [7]. По мере достижения стабильного состояния нового вероучения и культа (вплоть до их длительной неизменяемости) происходит институционализация религиозного движения. В зависимости от вероучительного содержания, а также от обстоятельств их возникновения и эволюции, религиозные движения обретают типологические черты той или иной разновидности религиозных объединений (церковного, сектантского, деноминационного типов). Все эти состояния свойственны также и динамике НРД, из чего следует включение этих движений в типологии религиозных объединений под рубрикой так называемых **культовых движений**.

Понятие культовых движений маркирует такой тип поведения людей, который характеризуется именно культом (от лат. cultus – почитание), т. е. умонастроениями и действиями, направленными на почитание предмета веры, которым может стать любой сакрализированный объект. Данное пояснение ещё не раскрывает специфики культового движения именно как религиозного явления, поскольку отношения культового характера могут существовать в самых разнообразных духовных и социальных сферах (в политике, в искусстве, в спорте, в моде и проч.).

Поэтому следует уточнить, что в отличие от собственно «религиозного культа», как регламентированных конкретным вероучением религиозных действий, нормативно предписывающих все детали и последовательность поведения верующих при совершении религиозных обрядов, культовое движение представляет собой способ организации религиозной жизни (со своим учением, системой отношений между участниками, харизматическим лидерством), который формируется вне ставших традиционными религиозных систем.

В терминологическом аппарате российского религиоведения принято указывать на полисемантичесность слова «культ» и отличать культ как религиозную обрядность от культа как типа религиозной организации. Однако какого-то устойчивого общеразделяемого определения культа в его организационно-

типологическом значении пока не сложилось. В лучшем случае, существующие трактовки отсылают к зарубежным интерпретациям культовых движений.

Характеризуя культовое движение, можно описать его как объединение верующих, возникшее вне структуры исторически сложившихся религий, для совместного почитания какого-либо духовного лидера (или группы таких лиц), чьё учение и предлагаемые практики воспринимаются последователями как способ удовлетворения всего спектра их жизненных потребностей. При физическом отсутствии духовного лидера непосредственно среди своих почитателей, сакрализации и культовому восприятию подлежат его образы и наследие (в виде текстов, устной трансляции его высказываний, «иконографии» и тому подобного). При отсутствии персонифицированного лидерства культовое отношение, вызванное острыми жизненными потребностями, проецируется на сверхобычные явления или объекты, понимаемые в религиозном смысле (т. е. в восприятии людей имеющие безусловную святость, порожденные трансцендентной инстанцией, обладающие чудодейственными свойствами).

Обстановка религиозного плюрализма, в сочетании с периодической депривацией части населения, порождает явление, способствующее генерированию культовых движений – постоянно пополняющийся контингент «ищущих», т. е. пребывающих в духовном поиске, но так и не совершивших окончательного определенного выбора [6]. Какая-то часть этого контингента не испытывает дискомфорта от такой неопределённости, напротив – воспринимает свои перемещения из одной религиозной общности в другую как акты собственного духовного роста, накопления эзотерического опыта. Периодические «остановки» на этом пути и приводят к образованию то одного, то другого культового движения.

Подавляющее большинство «культов» весьма краткосрочны, их состав текуч. В отличие от религиозного сектантства, участникам культового движения, как правило, не требуется строгих ограничений в их повседневной жизни (если только они не идут на это добровольно) или категорического разрыва с прежней религиозной ориентацией. Если появляются какие-либо лидеры, то они имеют лишь недолговре-

менное влияние, которое быстро вытесняется популярностью создателей новых культовых сообществ.

Среди отношений, на основе которых формируются наиболее распространённые модели религиозного поведения в культовых движениях, выделяются «аудиторные» и «клиентские».

«Аудиторные» отношения состоят в усвоении «культовых» норм и ценностей опосредованно, через каналы массовой информации, специфическую продукцию печатных и электронных изданий и т. п. Эти отношения не предусматривают каких-то явных организационных форм и процедур членства, могут обходиться и без персонифицированного лидерства.

«Клиентские» отношения строятся по типу оказания «духовных услуг» (совершение магических операций по заказу клиента, целительские действия, обучение психотехникам и проч.) потребителям со стороны индивидов, пользующихся авторитетом как обладатели сверхобычных способностей. Такие отношения регламентируются в основном режимом предоставления запрашиваемых услуг (например, расписанием и местом приёма или проведения занятий, приобретением клиентами специальной литературы или предметов).

При относительно длительном соответствии почитаемых ценностей потребностям приверженцев культового движения может начаться его организационная институционализация. В таком случае не исключена эволюция от «клиентского» состояния, когда культ поддерживается личной харизмой основателя, к «устоявшемуся культу» (воспроизводится сложившимся кругом учеников и последователей харизматического лидера) и далее к «централизованному культу» (опирается на административную структуру, имеет легитимные учреждения).

В зависимости от мотивов, по которым возникает временная консолидация индивидов каким-либо «культом», в массиве культовых движений выделяются несколько разновидностей религиозных объединений.

«Альтернативные» группы ориентированы на выработку у своих членов отдельных положительных изменений в их собственном мировоззрении и поведении; они не практикуют контроля над участниками, не выдвигают требований социального переустройства и не вызывают общественной обеспокоенности.

«Спасающие» группы стремятся к полному обновлению сознания и образа жизни последователей на началах исповедуемого учения, но также не затрагивают существующий общественный порядок и не применяют принудительного удержания в своих рядах. Конфликтность для этих групп возникает в основном при отношениях с семьями неофитов, не желающими смириться с «уходом» родственников в культовое сообщество.

«Реформистские» группы не довольствуются одним только внутренним самоусовершенствованием, полагая необходимыми и некоторые перемены социального характера. Но общество и культура не рассматриваются ими как полностью враждебные, и обновленческие инициативы заявляются именно как реформирование, а не как полное упразднение существующего.

«Трансформистские» группы являются наиболее радикальными. Они отвергают все существующие институты государства и общества, представляя себя носителями миссии по коренному переустройству мира. В этих группах сильны настроения исключительности и имеет место контроль за деятельностью их участников.

Достигнув устойчивой организационной институциональности, культовое движение стремится получить общественное признание как допустимая форма религиозного самоопределения верующих. Собственно говоря, НРД и являются такими институционально оформленными объединениями, со сложившимися эклектичными учениями, административным устройством и внутренним порядком, выстроенной стратегией отношения к внешней социальной и религиозной среде.

Новым религиозным движениям присущ весь основной набор функций, в том числе и социальных, которые можно выявить у религии. В рамках этих движений происходит, хотя бы временная, консолидация верующих и достигается религиозная идентичность, т. е. имеет место *интегративная функция*. Но также присутствует и *функция дезинтеграции* – разъединение членов различных социальных общностей (семьи, соседства и др.), их противопоставление друг другу по признакам отношения к НРД, уход из традиционных религиозных объединений. Явно и наличие *регулятивной функции* – установления

для последователей НРД ценностно-нормативной системы религиозного и общественного поведения, легитимной по причине её сакрального источника. В устоявшихся НРД имеет место также *коммуникативная функция* – поддержание постоянных связей между участниками, трансляция почитаемого религиозного наследия. Безусловно, наличествует и *мировоззренческая функция* – объяснение мироустройства, в том числе происхождения и смысла социального порядка, с позиций того или иного культового учения. Наконец, следует признать и *компенсаторную функцию* идеологии и религиозных практик НРД – восполнение ограниченности и несовершенства социальных связей участников этих движений.

Поскольку существование и масштабы распространения НРД определяются мерой их востребованности какими-то группами населения, актуальной для исследования становится тема ресурсов этих движений, источников их пополнения и факторов, влияющих на динамику этого процесса. Анализ ресурсной базы НРД помогает выяснить их реальный «удельный вес» и степень присутствия в религиозной жизни российского общества. По самому общему представлению, ресурсы НРД – это те источники, которые обеспечивают их существование и способствуют поддержанию активности. Ресурсы могут быть как внешними, так и внутренними.

Среди **внешних ресурсов** НРД можно выделить активные и пассивные. **Активные внешние ресурсы** – это те факторы социальной и духовной жизни (включая политические, правовые, идеологические), которые постоянно воздействуют на субъектов НРД и своим влиянием, положительным или негативным, наполняют эти движения новой энергией.

К примеру, НРД получают своего рода побудительные импульсы к активности от столкновения с традиционалистскими настроениями по поводу религии, доминирующими как в обществе в целом, так и в среде последователей наиболее распространённых в стране конфессий. Обострённым выражением этих настроений стал так называемый антикультизм, энтузиасты которого постоянно демонизируют религиозные новообразования, вынуждая тем самым последователей НРД к поиску более убедительной аргументации своей лояльности государству и обществу. Вполне разумным в этом плане видится один из вы-

водов в целом критического по отношению к НРД экспертного исследования: «Деструктивные элементы – такие как корыстные мотивы организаторов или пагубное воздействие на психику последователей – встречаются не только в рамках нетрадиционной религиозности и не составляют сущностные признаки этого феномена. Напротив, излишнее привлечение общественного внимания к нетрадиционным движениям, назойливая активность “борцов с сектами”, мифологизация и идеологизация нетрадиционных религий способствует стигматизации их членов, превращая их в мучеников за веру, отвращая, тем самым, общественные симпатии от инициаторов “гонений”, в том числе и от традиционных – господствующих – конфессий» [11, с. 58].

В противоположность такой конфронтационности можно отметить, как активный внешний ресурс, положительное влияние на самосознание участников НРД демократической идеологии прав и свобод человека, признание и конституционное закрепление которой в России стимулирует к отстаиванию религиозной свободы.

Пассивные внешние ресурсы – это «резервуар» потенциальных возможностей для воспроизводства и развития НРД, которые реализуются лишь при их востребованности. Из таковых можно назвать, например, всегда существующие мировоззренческие искания какой-то части общества, особенно в молодёжной среде, которым сопутствуют неудовлетворённость имеющимися религиозными традициями и готовность принять разного рода новации (либо то, что воспринимается за новации). Названный ресурс наличествует безотносительно к самим НРД, не предполагает обязательного выбора «ищущими» именно религиозных культовых сообществ, и поэтому остаётся пассивным. Он «подпитывает» НРД обычно тогда, когда спонтанность консолидации, свойственная начальной стадии этих движений, уступает место рутине повседневной адаптации к сложноустроенному социуму и здесь возрастает потребность в неофитах.

К **внутренним ресурсам** относится структурное состояние НРД, т. е. степень развитости их основных элементов – в виде учений, практик и организаций, – и взаимодействие между этими элементами, образующее устойчивые паттерны того или иного НРД.

Для пояснения остановлюсь на таком внутреннем ресурсе российских НРД как то, что можно назвать *религиозной мыслью*. Замечу, что ментальные способности участников НРД, на мой взгляд, ничем не уступают умственной жизни верующих других религий или нерелигиозных людей. Однако вероучения НРД, как зарубежного, так и отечественного происхождения, заметно проще, чем в исторически сложившихся религиях с длительной традицией доктринальных дискурсов. Проще – это значит, что при возникновении таких вероучений не генерируются фундаментальные идеи, которые либо не имели бы аналога в предшествующем опыте мировых или национальных религий, либо обладали бы нетривиальным звучанием и интеллектуальной изощрённостью.

По большому счёту, мировоззрение НРД, и прежде всего – их лидеров-основателей, наполнено рецепциями, прямыми или опосредованными, из широкого диапазона религиозных учений, светских теорий, политических идеологий или паранаучных «открытий», уже существовавших на момент возникновения нового движения. В сознании и практиках основателей и их последователей всё это переплавляется сообразно актуальным для них целям и устремлениям, принимает субъективизированную окраску в зависимости от личных особенностей носителей нового учения. В результате, формируется эклектичная система, где соприсутствуют облечённые в специфическую терминологию элементы самых разных, давних и недавно появившихся, верований, идей и образов.

Поскольку такие учения усваиваются в созвучии с личными смыслами религиозных исканий последователей НРД, они воспринимаются в этой среде как нечто вроде откровения, безусловно истинного и тем более значимого, что обретены персональным путём. То, что человек осваивает сам, по вдохновению и с желанием, для него всегда является высокой и безукоризненной ценностью, как бы ни банальны, с объективной точки зрения, были эти новые учения.

Данная констатация делается не для критики или уничижения НРД, а как характеристика их, что называется, интеллектуального тезауруса. Этот тезаурус нельзя назвать скудными, но вполне уместно указать на его вторичность. Причём вторичность вовсе не означает неэффективность. В идеологи-

ях НРД учитывается слабая восприимчивость массовым религиозным сознанием отвлечённых сложных доктрин, присущих конфессиям мировых религий.

Не надо особо доказывать, что уровень доктринальной осведомлённости о православии или, скажем, об исламе – даже среди их усердных приверженцев – оставляет желать лучшего. Вероучительные познания в таких религиях требуют напряжённой работы по их освоению, с соответствующим уровнем эрудиции и подготовки, что обычно расходится с повседневными жизненными возможностями большинства последователей. Зато весьма высока востребованность практической отдачи от совершаемых обрядовых действий. Поэтому в религиях с давней историей наблюдается известный разрыв между насыщенным вероучительным содержанием (теология, церковные доктрины и т. п.) и адаптированными вариациями этого содержания в обыденном религиозном сознании, которое не чуждо и суеверий.

НРД же изначально культивируют незамысловатые учения, благодаря чему становятся более доступными. В этих учениях интеллектуальность замещается схематичностью и набором запоминающихся клишированных формулировок, наглядность преобладает над абстрактностью.

Важнейшим внутренним ресурсом являются и религиозные практики, культивируемые в НРД. В своём подавляющем большинстве эти практики основаны на убеждении в достигаемости последователями осязаемого результата в самой близкой перспективе (если всё освоить и правильно делать). Где-то это перекликается с магическими действиями, только на новый атрибутивный лад.

Религиоведы знают, что магия востребуется тогда, когда все иные, в том числе вполне рациональные, способы достижения жизненных целей или не просматриваются, или же их доступный арсенал оказался исчерпан без желаемых последствий [5]. Так называемые традиционные религии обычно стремятся дистанцироваться от магизма. Они предлагают благотворное воздаяние, но, во-первых, как правило, в отдалённой эсхатологической перспективе, во-вторых, требуя от верующих весомых инвестиций в виде, скажем, длительной праведной жизни с соблюдением всех конфессиональных норм и предписаний.

В острых ситуациях духовного поиска, осложнённых критическими житейскими и социальными обстоятельствами, такой «отложенный выход» далеко не всегда устраивает. А вот магические операции, предполагающие не столь затянутое удовлетворение насущных нужд, оказываются гораздо приемлемее.

Рискну утверждать, что практики современных НРД, с их технологичностью и вместе с тем доступностью, для многих последователей, неосознанно быть может, становятся чем-то сродни магическому инструментарию, эффективно снимающему мировоззренческие, адаптационные и, в каких-то случаях, соматические проблемы. Добавлю, что НРД позволяют своим участникам, не вдаваясь особенно в смыслы учений, чувствовать себя более или менее комфортно именно от самого пребывания в круге легко усваиваемых практик и образов.

Считаю, что привлекательность учений НРД – не в якобы небывалости их идей, а в соразмерности потребностям контингента, охваченного этими движениями. То есть речь идёт о той человеческой среде, из которой НРД черпают новообращённых. Это и есть важнейший внешний ресурс. Что его характеризует? Прежде всего, неудовлетворённость собственным социальным и духовным состоянием, ощущение депривации, разочарование в существующих религиозных и иных (мировоззренческих, этических) распространённых традициях, объясняющих, что называется, смысложизненные вопросы. Преобладающему числу участников НРД, как мне представляется, несвойственна самодостаточность, зато наблюдается повышенная тяга к компенсаторным факторам.

Иными словами, человеческий ресурс НРД образуется из людей, в какой-то момент своей жизни остро испытавших обделённость, утрату устойчивости, разрыв упорядочивающих коммуникаций. Уже поэтому само вхождение в то или иное НРД оказывается способом восполнения недостающего или утраченного. Оттого, вероятно, наблюдаются и энтузиазм неофитов НРД, и страстная уверенность в правильно найденном пути у, так сказать, ветеранов этих движений.

Но вот насколько хватит компенсирующих возможностей НРД? Возраст самых «старых» НРД иностранного происхождения, если за точку отсчёта первых таких движений (Церковь Саентологии, Церковь Объединения и др.) брать

середину 1950-х годов, достиг 70-летия. За рубежом для тех из подобных НРД, которые уцелели в различных конфликтах, наступило состояние относительно спокойного существования, они прошли свой нелёгкий путь адаптации. Возникавшие им вслед НРД более поздних времён по-своему пользовались добытым предшественниками опытом выживания в напряжённо воспринимавшем их социуме. Со временем эксцессы конфронтации стали достаточно редкими и радикализм начал уступать место «встраиванию» НРД в существующий религиозный спектр. Одновременно обнаружилось, что динамика новообразований заметно снизилась. Сколько-нибудь гиперактивных НРД за рубежом сейчас не просматривается. По аналогии с известной эволюцией протестантских движений – «ривайвелизм» НРД сменяется либо вероучительной систематизацией и поиском религиозной респектабельности, либо переориентацией на внерелигиозные смыслы (социальные служения, экономическую активность).

У отечественных НРД – самых ранних, если числить с рубежа 1970–1980-х годов, или даже у возникших под конец советского периода (Церковь Последнего Завета, Церковь Божьей матери «Державная» и др.) – уже наступил, пользуясь расхожим фразеологизмом, «кризис среднего возраста». Для индивидов такой кризис обычно это – время осмысления прожитого, подведения неких итогов и выбора стратегии на (говоря языком Пенсионного фонда) «период дожития». Думается, что эта аналогия подходит и для коллективного самосознания сообществ НРД в нашей стране.

Естественно, что действующие организации различных НРД зарубежного и отечественного происхождения рассчитывают на максимальную продолжительность своего будущего. В то же время, обстоятельства их существования в современной России не дают повода для избыточного оптимизма.

Но тут, парадоксальным образом, «на выручку» российским НРД может прийти ещё один внешний ресурс. Имеются в виду те политические, общественные и религиозные силы в России, которым для решения собственных задач необходим образ врага. Будучи, в действительности, крайне небольшим сегментом в духовном пространстве страны, НРД по существу безобидны, хотя и по понятным причинам обидчивы. Они

не представляют реальной угрозы кому бы то ни было, а равно и не являются серьёзным конкурентом религиозным монополиям в России. Но, вместе с тем, очень подходят для демонизации, предъявления населению в качестве подрывных элементов, для переключения на них общественных недоумений, вызванных другими, более весомыми поводами.

Известно то уныние, которое вызвал у зарубежных советологов и спецслужб распад Советского Союза – так вкусно было десятилетиями кормиться от разоблачений и героического противостояния, а тут на тебе... Думаю, что противники НРД инстинктивно этот урок усвоили и будут всячески поддерживать и лелеять страшный образ «тоталитарно-деструктивных сект», чтобы оправдать свой горделивый статус защитников духовных основ.

Конечно, это ироничное суждение есть моё субъективное мнение. Но можно заметить, как время от времени происходят «приливы» внимания к теме НРД, обычно совпадающие с «колебательными движениями» в той или иной сфере российской жизни. Однако ситуации противостояния носят, скорее, сконструированный характер, нежели обусловлены реальной опасностью государству и обществу со стороны каких-либо НРД.

Выводы

Российские НРД в том виде, как они сложились за последние три десятилетия, скорее всего близки к завершению своей роли нового института религиозной идентичности. Возрастной состав участников ещё позволяет каким-то из них рассчитывать на перспективные годы. Но, думается, что основные возможные ресурсы уже «истончились» или близки к исчерпанию.

Конечно, депривации в России не убавилось, соответственно остаются потенциальные неофиты для НРД. Однако всё «спасающее» (подлинно или имитационно), чем явили себя НРД в России, за последнюю четверть века уже нашло своих устойчивых приверженцев и устойчивых оппонентов. В собственном религиозном смысле особых новаций НРД не принесли, скорее – лишь открыли дополнительные ракурсы восприятия константных проблем духовного поиска.

НРД как бы переформатировали определённый сегмент религиозной жизни российского общества. Они оказались вполне

органичны транзитивному состоянию этого общества на рубеже XX и XXI веков. Для нынешней России этот опыт религиозного переустройства полезен, но уже не столь актуален и может быть «архивирован». В обозримом будущем следует ожидать постепенной диффузии НРД, их трансформаций, не исключено, что и преобразования в нечто пока ещё трудно предсказуемое.

Но если НРД начнут сходиться со своих мест на религиозной сцене, закономерен вопрос: что возникнет после них, «кто следующий?». Ответить очень трудно, поскольку пока неясно по каким признакам распознавать это следующее. Однако присматриваться необходимо.

Список литературы

1. Балагушкин Е. Г. Мистицизм в современной России: Теория. Основные представители. – М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2013.
2. Григорьева Л. И. Религии «Нового века» и современное государство: (Социально-философский очерк). – Красноярск: Сиб. гос. технол. ун-т, 2002.
3. Кантеров И. Я. Новые религиозные движения в России (религиоведческий анализ). – 2-е изд., испр. – М.: Б. и. [ИП ИПК МГУ], 2007.
4. Матецкая А. В., Эгильский Е. Э. Религия в секулярном обществе на исходе XX и в начале XXI века. – М.: Русайнс, 2020.
5. Носачев П. Г. «Отреченное знание». Изучение маргинальной религиозности в XX и начале XXI века. – 2-е изд. – М.: Новое литературное обозрение, 2023.
6. Ожиганова А. А., Филиппов Ю. В. Новая религиозность в современной России: учения, формы и практики. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2006.
7. Пронина Т. С. Религия и поиски идентичности в постсоветской России. – Тамбов: Издат. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2015.
8. Термины и понятия радикальных религиозных субкультур: Словарь-справочник / А. В. Гайдуков, Д. А. Головушкин, Д. Т. Хусаинов; под ред. А. М. Прилуцкого. – СПб.: Первый издательско-полиграфический холдинг, 2023.
9. Трансформации религий в современном обществе и культуре: моногр. / Л. А. Андреева, О. А. Бокова, А. В. Конева [и др.]; науч. ред. М. Ю. Смирнов. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2019.
10. Федотов Ю. С., Федотова Е. Ю. Проблема типологизации новых религиозных движений. – Тамбов: Изд-во Першина Р. В., 2016.
11. Хомякова А. П. (рук.) и др. Нетрадиционные верования в России. Экспертная оценка потенциала распространения: Итоговый аналитический отчет по результатам исследования / АНО «Социологическая мастерская Задорина» [И. В. Задорин, В. А. Зотова, И. В. Карпов, Е. В. Халкина, Л. В. Шубина]. – М.: ЦИРКОН, 2019.

References

1. Balagushkin, E. G. (2013) *Mistitsizm v sovremennoj Rossii: Teoriya. Osnovnye predstaviteli* [Mysticism in Modern Russia: Theory. The main representatives]. Moskva: LIBROKOM. (In Russian).
2. Grigor'eva, L. I. (2002) *Religii "Novogo veka" i sovremennoe gosudarstvo: (Sotsial'no-filosofskij ocherk)* [The "New Age" religions and the modern state: (Socio-philosophical essay)]. Krasnoyarsk: Sibirskij state technology univ. (In Russian).

3. Kanterov, I. Ya. (2007) *Novye religioznye dvizheniya v Rossii (religiovedcheskij analiz)* [New Religious Movements in Russia (religious studies analysis)]. 2nd ed., rev. Moskva: MGU. (In Russian).
4. Matetskaya, A., Egil'skij, E. (2020) *Religiya v sekulyarnom obshchestve na iskhode 20 i v nachale 21 veka* [Religion in a secular society at the end of the twentieth and the beginning of the twenty-first century]. Moskva: Ruscens. (In Russian).
5. Nosachev, P. G. (2023) "Otrechyennoe znanie". *Izuchenie marginal'noj religioznosti v 20 i nachale 21 veka* ["Renounced knowledge". The study of marginal religiosity in the twentieth and early twenty-first centuries]. 2nd ed. Moskva: NLO. (In Russian).
6. Ozhiganova, A. A., Filippov, Yu. V. (2006) *Novaya religioznost' v sovremennoj Rossii: ucheniya, formy i praktiki* [The New Religiosity in Modern Russia: teachings, forms and practices]. Moskva: Institut antropologii i etnologii RAN [Russian Academy of Sciences, Anthropology and Ethnology Institute]. (In Russian).
7. Pronina, T. S. (2015) *Religiya i poiski identichnosti v postsovetsoj Rossii* [Religion and the search for identity in Post-Soviet Russia]. Tambov: Derzhavin state univ. press. (In Russian).
8. Prilutskij, A. M. (2023) (ed.) *Terminy i ponyatiya radikal'nykh religioznykh subkul'tur: slovar'-spravochnik* [Terms and concepts of radical religious subcultures: A reference dictionary]. Sankt-Peterburg: Pervyj izdatel'sko-poligraficheskij kholding. (In Russian).
9. Smirnov, M. Yu. (2019) (ed.) *Transformatsii religij v sovremennoj obshchestve i kul'ture* [Transformations of religions in modern society and culture]. Sankt-Peterburg: Pushkin Leningrad state univ. (In Russian).
10. Fedotov, Yu. S., Fedotova, E. Yu. (2016) *Problema tipologizatsii novykh religioznykh dvizhenij* [The problem of typologizing new religious movements]. Tambov: Pershin R. V. press. (In Russian).
11. Khomyakova, A. P. (ed.) ets. (2019) *Netraditsionnye verovaniya v Rossii. Ekspertnaya otsenka potentsiala rasprostraneniya: Itogovyj analiticheskij onchyet po rezul'tatam issledovaniya* [Non-traditional beliefs in Russia. Expert assessment of the dissemination potential: The final analytical report on the study results] Sotsiologicheskaya masterskaya Zadorina [I. V. Zadorin, V. A. Zotova, I. V. Karpov, E. V. Khalkina, L. V. Shubina]. Moskva: TSIRKON. (In Russian).

Об авторе

Смирнов Михаил Юрьевич, доктор социологических наук, профессор, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург; Русская христианская гуманитарная академия имени Ф. М. Достоевского, Санкт-Петербург, Российская Федерация; ORCID ID: 0000-0002-1749-3003, e-mail: mirsbnov@yandex.ru

About the author

Mikhail Yu. Smirnov, Dr. Sci. (Sociol.), Professor, Pushkin Leningrad State University, Sankt-Peterburg; Russian Christian Academy for the Humanities named after Fyodor Dostoevsky, Sankt-Peterburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0002-1749-3003, e-mail: mirsbnov@yandex.ru

Поступила в редакцию: 24.06.2024
Принята к публикации: 15.08.2024
Опубликована: 17.09.2024

Received: 24 June 2024
Accepted: 15 August 2024
Published: 17 September 2024